

Великобритания и проблема «балканского равновесия» в 1939 г.*

К началу Второй мировой войны балканская политика Великобритании была подобна окутанному густым туманом предмету, смутные очертания которого каждый из наблюдателей трактовал на свой манер. Видный экономист и обозреватель газеты «Financial Times» Т. Эйнциг характеризовал комплекс мер, к которым Лондон начал активно прибегать в Юго-Восточной Европе весной-осенью 1939 г., как «революционную трансформацию»¹. Она, в частности, выразилась в интенсификации внешнеторгового оборота между балканскими странами и Великобританией, а также в гарантиях независимости, которые Лондон и Париж декларативно предоставили потенциальным объектам агрессии держав-ревизионистов. В то же самое время эксперты Коминтерна называли эти новые подвижки во внешнеполитическом курсе правительства Н. Чемберлена на Балканах не иначе, как «блеф»².

С одной стороны, полярность этих оценок, обусловленная идеологическим антагонизмом их авторов, не нуждается в дополнительной аргументации, с другой — они отражают дихотомию политики Лондона в Балканском регионе в обозначенный период: стремление усилить взаимодействие с местными государствами и ограниченность шагов в данном направлении. Эта проявившаяся на региональном уровне противоречивость и дуалистичность внешнеполитического курса Великобритании — несущей конструкции миропорядка, оформившегося по итогам Первой мировой войны — выводит исследователей на ряд вопросов, важных для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18007 «От региональных конфликтов к эпохе глобальных трансформаций: взгляд российских и болгарских историков на международные отношения в конце XIX–начале XXI вв.».

понимания как политики Лондона накануне Второй мировой войны, так и балканского измерения агонии Версальской системы. В частности, это побуждает нас задаться вопросом о том, каким образом внешнеполитический курс Уайтхолла на Балканах коррелировал с его глобальной стратегией и как, в свою очередь, расстановка сил в Юго-Восточной Европе влияла на выработку модуля балканско-британского взаимодействия.

После Первой мировой войны Балканы утратили репутацию «порохового погреба Европы», оказавшись на периферии внешнеполитических интересов великих держав-архитекторов Версальского порядка — Великобритании и Франции. И если Париж, воспринимавший Центральную Европу, в качестве одного из «полюсов» своей безопасности, способствовал формированию Малой Антанты и заключил двусторонние соглашения о взаимной помощи с ее членами, то Лондон предпочел дистанцироваться от политических процессов, разворачивавшихся как в Центральной, так и в Юго-Восточной Европе.

На определенном этапе создававшаяся ситуация отвечала интересам местных игроков, которые могли гармонизировать ритмы регионального порядка на Балканах без «дирижерской палочки» великих держав. Балканские страны, заинтересованные в устойчивости Версальской системы, разделяли общее представление о региональной безопасности и путях ее обеспечения. Так, Югославия, Румыния, Греция и Турция заключили в 1934 г. Балканский пакт, являвшийся инструментом поддержания статус-кво в регионе. Более того, мультисубрегиональное положение Румынии и Югославии и их участие в Балканской и Малой Антанте предопределило тесную взаимосвязь этих двух региональных комбинаций³.

Однако последствия мирового экономического кризиса, разразившегося в 1929 г., коллизии социально-экономической модернизации и формирования политических систем балканских стран, не терявший своей актуальности национальный вопрос обнаружили иллюзорность стабильности, которая, как казалось, установилась в Юго-Восточной Европе. Напряженность во внутривосточной и экономической сферах привели к образованию двух трещин, запустивших процесс демонтажа послевоен-

ного регионального порядка на Балканах. Именно через эти две трещины нáчало «просачиваться» германское влияние в регионе, вовлекая местные государства в орбиту внешней политики Третьего рейха, последовательные и планомерные действия которого заставили Лондон реагировать на деструктивные тенденции, набиравшие силы в рамках балканского регионального порядка.

Экономический кризис 1929–1933 гг. больно ударил по странам Юго-Восточной Европы. Незавершенность аграрной реформы, весьма неубедительные попытки местных правительств создать национальную промышленность, недостаток внешних инвестиций вкупе с падением цен на сельскохозяйственную продукцию, произошедшую к 1930 г., и разгоревшимся европейским финансовым кризисом делали балканские страны беспомощными перед лицом неблагоприятной макроэкономической конъюнктуры. Картина становилась откровенно удручающей в свете того, что правительства Великобритании и Франции преимущественно сосредоточились на интенсификации внутриимперской торговли. Это вело к ограничению объемов поставок балканских сельскохозяйственных продуктов на британский и французский рынки⁴.

В условиях невысокой экономической заинтересованности Лондона и Парижа в Юго-Восточной Европе и бесперспективности развития экономических связей со своими соседями, балканские государства были вынуждены искать сотрудничества с другими игроками — державами-ревизионистами: Италией и Германией⁵. Причем Берлин довольно быстро сумел потеснить экономические позиции Рима на Балканах, в первую очередь, в Югославии. По подсчетам греческого публициста Дороса Аластоса (Эвдорос Иоаннидис), известного своими прокоммунистическими симпатиями, на Германию приходилось 60% товаров, прежде экспортируемых в Италию⁶.

Как констатировали эксперты Королевского института международных отношений (Чэттем-хаус), важным инструментом расширения и наращивания торгового оборота между третьим рейхом и балканскими государствами являлось активное заключение клиринговых соглашений. Ограниченность золотых резервов и дефицит иностранной валюты подталкивали Германию

и балканские страны к ведению расчетов в местных валютах, соотношение курсов которых также регулировалось договаривающимися сторонами. Клиринговые сделки между Берлином и государствами Юго-Восточной Европы фактически сводились к бартерному обмену балканской сельскохозяйственной продукции на германские промышленные товары и оборудование⁷.

Этот торговый *Drang nach Süd-Osten* обернулся рядом негативных последствий для экономик балканских стран. В частности, он привел к аккумуляции замороженных кредитов, ибо Берлин не торопился платить по обязательствам своим балканским контрагентам. В конечном счете, последние превращались из должников Германии в ее кредиторов. Вынужденные компенсировать создавшуюся задолженность за счет импортирования германских товаров и вооружения, балканские страны оказывались, таким образом, в зависимости от третьего рейха. Другим способом привязки экономик государств Юго-Восточной Европы к Берлину являлась выдача им долгосрочных кредитов на покупку немецкого промышленного оборудования и товаров длительного пользования⁸.

Тем не менее, как отмечают эксперты Чэттем-хаус, субъектно-объектные взаимоотношения, сложившиеся между рейхом и балканскими странами в экономической сфере, в немалой степени отвечали интересам не только субъекта, но и объектов. Во-первых, индексы цен на товары, которые Болгария, Югославия, Румыния и Греция импортировали из Германии, были несколько ниже общемировых. Во-вторых, Германия содействовала повышению экспортных цен балканских производителей, что в результате привело к увеличению доходов соответствующих государств⁹. В связи с этим западные эксперты неоднократно упрекали Германию в том, что она вела нечестную торговую игру на Балканах, скупая продукцию местных производителей в больших объемах и по высоким ценам.

Германское правительство, если верить британским аналитикам, до определенной степени выказывало готовность идти навстречу торговым интересам балканских государств, что было обусловлено двумя принципиальными моментами. С одной стороны, третий рейх стремился прочно «пристегнуть» экономики

малых стран Юго-Восточной Европы к германской, дабы максимально затруднить их переориентацию на «западные демократии» в случае начала войны¹⁰. Во-вторых, политические и финансовые круги Германии вынашивали планы претворить в жизнь проект «Срединной Европы»¹¹, который приобретал особую актуальность в свете аннексии рейхом Австрии и чехословацких территорий (создание в 1939 г. протектората Богемия и Моравия), т.е. промышленного ядра бывшей Цислейтании. Восстановление хозяйственного пространства Габсбургской монархии диктовало необходимость экономической реинтеграции ее бывших аграрных провинций, расположенных в Юго-Восточной Европе, а расширение и углубление торговых связей с балканскими государствами возвращали к ситуации начала XX в., когда большая часть внешнеторгового оборота последних приходилась на Центральные державы¹².

Показательно, что после начала Второй мировой войны политика рейха на Балканах продолжала определяться преимущественно соображениями экономического порядка. В феврале 1940 г. было создано «Общество Юго-Восточной Европы» (ОЮВЕ), которое являлось агентством министерства экономики Германии¹³. Поскольку Балканы вписывались в границы *Mitteleuropa*, т.е. являлись частью немецкого *Grosswirtschaftsraum* (большого экономического пространства), то становятся понятны претензии ОЮВЕ участвовать в выработке политики рейха в регионе и координировать германо-балканские отношения. Не случайно, что штаб-квартира агентства с самого начала его существования располагалась в Вене, которой отводилась роль главного хаба, распределявшего потоки сельскохозяйственной продукции, стекавшейся с юго-востока Европы, и культурно-образовательного центра, осуществляющего подготовку немецких специалистов для работы в балканских странах, так и представителей балканской элиты, которые должны были стать опорой германского влияния в регионе¹⁴.

О намерениях германского руководства адаптировать экономики балканских стран под единый имперский организм свидетельствовал тот факт, что им предназначалась определенная хозяйственная специализация. Берлин выступал против их ин-

дустриализации, ибо она вела к сокращению импорта товаров немецкой промышленности. Так, Германия всячески избегала продавать станки и оборудование в Румынию: по словам британских экспертов, Берлин «не скрывал своего неприязненного отношения к румынской индустриализации»¹⁵. Проявлением этой тенденции стал заключенный 23 марта 1939 г. «Договор об укреплении экономических отношений между румынским королевством и германским рейхом». В соответствии с ним, развитие экономики Румынии определялось структурой германского импорта; предусматривалось создание «свободных зон», гарантирующих особые преимущества рейху в этой балканской стране. В свою очередь, Германия обязывалась поставлять вооружение и финансировать военное производство королевства¹⁶.

Британское правительство, как, в частности, явствует из меморандума статс-секретаря по иностранным делам лорда Э. Галифакса, оценивало экономическое преобладание «большой» Германии, аннексировавшей Австрию и Судетскую область, в Центральной и Юго-Восточной Европе не только как политическую реальность, но и историко-географическую «неизбежность». Галифакс был уверен в том, что «торговля, осуществляемая между промышленной Германией и преимущественно аграрной Центральной и Юго-Восточной Европой, является сбалансированной, а потому взаимовыгодной для обеих сторон». Опасения главы Форин оффис вызывала перспектива установления политического вассалитета балканских стран от Германии и их подчинение ее экономической доктрине: практикуемые Берлином валютные ограничения и стремление достичь автаркии, как констатировалось, начинали переформатировать политическую жизнь каждой из них¹⁷. Таким образом, ключевой вопрос, по мнению Галифакса, заключался в том, обернется ли экономическое доминирование Германии ее политической гегемонией на Балканах, а в перспективе и в Европе, что, в конечном счете, и определяло британские подходы к ситуации в данном регионе.

В свете этих дискуссий британский кабинет склонялся к мнению о том, что усиление экономических позиций Великобритании в регионе должно было происходить в основном за счет деятельности частных компаний, а не на уровне конкретных

межгосударственных договоренностей. Дабы минимизировать риски и издержки, сопряженные для британских фирм с закупками балканской продукции, Уайтхолл был готов дать бизнесу гарантии и оказать финансовое содействие. Но даже и эти меры, как констатировал в своем меморандуме Галифакс, требовали значительных расходов¹⁸.

Одним из самых энергичных и убежденных сторонников оказания экономического содействия странам Юго-Восточной Европы был Джордж Ллойд, глава Британского Совета, в прошлом губернатор Бомбея и верховный комиссар в Египте. Ллойд, с одной стороны, сам являвшийся частью британского истеблишмента, с другой — обладавший обширными связями в правящих и финансовых кругах балканских государств, прикладывал огромные усилия в продвижении британского культурного и экономического влияния в регионе. В начале 1939 г. при его непосредственном участии были заключены сделки по закупкам британскими компаниями балканской продукции, а в конце апреля 1939 г. миссия Ф. Лит-Росса, главного советника британского правительства по экономическим вопросам, в Румынии увенчалась подписанием соглашения, по которому Англия приобретала 200 тыс. тонн пшеницы и гарантировала королевству кредит в 5 млн. фунтов стерлингов. И хотя это были не те объемы, на которые рассчитывал Бухарест, изначально надеявшийся продать британцам 600 тыс. тонн зерна¹⁹, даже такие половинчатые меры, предпринимаемые Лондоном, со стороны воспринимались как попытки противодействия экономической экспансии рейха, нацеленной на превращение Юго-Восточной Европы в его сырьевой придаток²⁰.

Однако в условиях ограниченности ресурсов Лондон не спешил (или не видел необходимости) распространить эту практику на другие балканские страны. Британский посланник в Софии Дж. Рендел в конфиденциальной переписке с высокопоставленным функционером Форин оффис Гл. Джеббом подверг резкой критике, граничащей с отчаянием, способность британской дипломатии дать адекватную оценку внутривосточной ситуации в Болгарии, в частности призыв «изменить состав существующего болгарского правительства с пронацистского на продемократическое». Рендел доказывал своим лондонским коллегам, что бри-

танская пассивность непосредственно по линии экономического сотрудничества способствовала складыванию в стране расстановки сил, благоприятной для Третьего рейха. Отмечая прагматизм болгарского руководства (его готовность договаривать с кем угодно — будь то нацистская Германия, Советская Россия или Великобритания), дипломат сетовал на то, что на протяжении восемнадцати месяцев британским и французским правительствами игнорировались запросы Софии относительно закупок болгарского табака и поставок оружия. Вопреки рекомендациям министра иностранных дел частные компании (в данном случае «Имперская табачная компания») не спешили приобретать болгарское сырье, которое затем было скуплено немецкими производителями²¹.

Ухудшающаяся внутривнутриполитическая обстановка также делала балканские государства уязвимыми перед лицом внешнего давления. Метаморфозы модернизации, повлиявшие на формирование партийно-политических систем балканских стран и подготовившие почву для утверждения там авторитарных режимов²², а также проблема преодоления экономической отсталости, отражались на процессе выработки внешнеполитического курса местных режимов. Однако окончательному размыванию грани между внутренней и внешней политикой балканских государств и, соответственно, флуктуации их внешнеполитической ориентации способствовал нерешенный национальный вопрос²³.

Во второй половине 1930-х годов как в странах-ревизионистах, так и государствах, заинтересованных в поддержании существующего баланса сил, начали поднимать голову партии крайне правого толка. В Румынии это были Христианско-национальная партия, Румынский фронт, Железная гвардия; в Югославии — хорватские усташи и сербское реакционно-националистическое движение «Збор», возглавляемое Д. Лётичем; в Болгарии, политическая сцена которой изобиловала крайне правыми партиями различных оттенков, наиболее крупными организациями являлись Болгарский народный союз «Кубрат», Союз болгар/Союз болгарских фашистов и в определенной степени политический круг «Звено»²⁴. В условиях социально-экономической нестабильности 1930-х годов политическая элита балканских стран

стала всё более интересоваться опытом нацистской Германии, которая сумела преодолеть последствия экономического кризиса 1929–1933 гг., создать, как казалось склонным к авторитаризму балканским политикам, устойчивую вертикаль власти в стране, умело и жестко решить «германский вопрос» посредством демонтажа Версальской системы при «умиротворительном» попустительстве Великобритании и Франции.

Кроме того, в Югославском и Румынском королевствах существовали пронацистские партии немецкого национального меньшинства, которые были инструментами политики рейха в регионе: «Культурбунд» (Югославия) и Немецкая национал-социалистическая партия в Трансильвании (Румыния)²⁵. Эти партии наряду с другими реакционными силами пользовались финансовой и моральной поддержкой Берлина. На VII Конгрессе Коминтерна П. Тольятти, пусть и в утрированной форме, точно подметил опасную тенденцию популяризации и интернационализации фашистской и нацистской систем, говоря о «той нагло откровенной помощи, которую гитлеровский фашизм оказывает развитию фашистского движения во всех странах»²⁶. Трансформация политических режимов, в том числе и в балканских странах, по германским и итальянским лекалам, делала их лояльными младшими партнерами рейха на международной арене.

Эти опасения, озвученные видным коммунистическим деятелем, нашли отражение в работах представителей британской демократической общественности. Хаотизации политической жизни Румынии и Югославии и, соответственно, дестабилизации государственного механизма этих двух стран самое пристальное внимание уделила Э. Уискеманн, аналитик Королевского института международных отношений, авторитетный специалист по Центральной Европе, в своей нашумевшей работе «Необъявленная война», которая увидела свет в конце 1939 г. Э. Уискеманн удалось, с одной стороны, вписать процессы, протекавшие в Румынии и Югославии, в общую канву социально-экономического, политического и культурного развития Европы 1930-х годов, с другой — показать местные особенности германского проникновения. Увязывая появление такой радикальной организации как «Железная гвардия» с разочарованием большей части румын-

ского общества в послевоенном порядке (отсюда и «восстание против рационализма»), британская исследовательница отмечала ее генетическое родство с нацистским движением в Германии, которая открыто покровительствовала «Железной гвардии»²⁷. Кроме того, Уискеманн называла германский фактор ключевым для межнационального равновесия в Румынии и Югославии и, следовательно, для их взаимоотношений с реваншистски настроенными соседями. Румыния, по ее словам, искала протекции рейха из страха повторить судьбу Чехословакии, тогда как югославское руководство проводило постоянные консультации с Берлином в ходе подготовки территориально-административной реформы в стране (предоставления Хорватии широкой автономии в рамках Югославского королевства)²⁸.

Стремительно менявшиеся международные реалии: ликвидация Чехословацкого государства, предъявляемые рейхом требования к Польше по поводу Данцига и «польского коридора», «ультиматум» Румынии, предшествовавший подписанию германо-румынского экономического договора от 23 марта, оккупация Италией Албании — подталкивали Англию к усилению своего политического присутствия в регионе. Ведь британское руководство довольно ясно отдавало себе отчет в том, что Берлин и Рим действовали по взаимной договоренности, и их конечной целью являлась не ревизия отдельных составляющих Версальского порядка, а «совместное доминирование в Европе», т.е. полное разрушение всей существовавшей международной системы²⁹.

Стремясь запустить внутренние механизмы укрепления региональных сегментов Версальского миропорядка в условиях надвигавшегося конфликта с фашистскими державами, Великобритания, а вместе с ней и Франция декларативно гарантировали независимость Польши, Румынии и Греции³⁰. Что касается сути односторонних гарантий, данных Лондоном и Парижем Бухаресту и Афинам, то их, на наш взгляд, следует трактовать как попытки усилить «резистентность» регионального порядка, оформившегося на Балканах по итогам Первой мировой войны. Посланный «западными демократиями» сигнал о своей решимости не допустить окончательного демонтажа Версальской системы на региональном уровне подразумевал предел германской

политической и экономической экспансии в Юго-Восточной Европе, что, как представлялось, должно было придать местным игрокам твердости в сопротивлении германскому давлению. Возможными путями реализации этой политики виделись, с одной стороны, реанимация Балканской Антанты как инструмента поддержания региональной стабильности, с другой — включение Балкан в общеевропейскую систему коллективной безопасности.

Рассматривая балканские страны в качестве самостоятельных игроков, а также признавая автономность регионального порядка в Юго-Восточной Европе, «западные демократии», и в первую очередь Англия, не вполне понимали не только логику взаимодействия местных элементов, но и то, как нестабильность на мировой арене влияла на ее эволюцию. Иллюстрацией этого тезиса может служить ситуация вокруг «гарантий» Греции и Румынии, а также реакция балканских государств, отстаивавших статус-кво, на проекты Лондона по «перелицовке» Балканской Антанты и будирование в этой связи «долго тлеющих» территориально-политических противоречий. Так, сама формула «односторонних гарантий» была выработана британским правительством с учетом позиции греческого и румынского правительств, «боявшихся навлечь на себя гнев Германии» из-за своей ассоциированности с западными державами. Греки просили британцев «преподнести все в таком свете, чтобы не сложилось впечатления, будто бы запрос о гарантиях исходил от Афин»³¹, тогда как румынский посланник в Лондоне В. Тилеа предпочел отказаться от своих прежних алармистских оценок германской версии экономического соглашения между Берлином и Бухарестом³². Складывалась парадоксальная ситуация, когда, получив поддержку против агрессоров от Англии и Франции, выступавших несущими опорами Версальского миропорядка, малые страны боялись спровоцировать новый виток экспансионистской политики со стороны ревизионистских держав.

Такое несоответствие было вызвано тем обстоятельством, что в представлении балканских правящих кругов баланс сил в Европе неуклонно смещался в сторону держав «оси», и прежде всего Германии. Третий рейх воспринимался не только как крупнейший внешнеэкономический партнер, но как доминирующий

политический центр. Более того, правящие элиты малых стран Юго-Восточной Европы становились все более чувствительны к самоуверенным заявлениям нацистской пропаганды о том, что западные державы предоставили рейху карт-бланш в регионе — именно в таком ключе размышляло румынское руководство³³.

На этапе конца 1938 — первой половины 1939 гг. Румыния и Югославия не столько опасались оказаться захваченными гитлеровской Германией, сколько панически боялись того, что последняя позволит Венгрии и Болгарии отторгнуть от них спорные территории. Тень первого Венского арбитража (ноябрь 1938 г.) наводила ужас на политиков в Белграде и Бухаресте. Гитлер весьма умело играл на этих страхах. Так, во время переговоров в Берхтесгадане министр иностранных дел рейха И. Риббентроп пенял румынскому королю Каролю, пытавшемуся выяснить отношение Германии к судьбе закарпатских территорий, на тот факт, что Румыния входила в состав Малой Антанты — региональной организации, союзной Франции, а, значит, враждебно настроенной к Германии³⁴. Из этого вытекало, что лояльность по отношению к Берлину обеспечивала государствам, заинтересованным в сохранении послевоенного статус-кво, их территориальную целостность, а региональным ревизионистам — возможность перекройки политической карты. Так, в середине апреля 1939 г. болгарский МИД издал директиву № 19, в которой в качестве приоритета болгарской внешней политики фигурировало возвращение ряда потерянных территорий: Южной Добруджи, Западной Фракии, входившей в состав Греции, и «окраинных земель», присоединенных к Сербии. Весьма показательно, что появление этой директивы фактически совпало с окончательным демонтажом Версальской системы — ликвидацией остатков Чехословацкого государства и итальянским вторжением в Албанию³⁵.

На фоне энергичных действий рейха и его решимости вмешиваться в проблемы Центральной и Юго-Восточной Европы позиция «западных демократий», рассчитывавших на то, что балканские страны сами урегулируют территориальные разногласия ради построения системы коллективной безопасности, выглядела довольно блекло. Греция и Румыния были разочарованы советами Парижа и Лондона пойти на уступки Болгарскому царству.

В ответ на британские призывы румыны в лице министра иностранных дел Королевства Г. Гафенку доказывали, что политика «умиротворения» в отношении Болгарии не работала, и отказ Бухареста от Южной Добруджи не привел бы к стабилизации регионального порядка в Юго-Восточной Европе, ибо болгары стремились к корректировке всего периметра своих границ³⁶. В свою очередь, Афинам казалось, что предложения британских и французских дипломатов только раскалывали существующий балканский альянс, нацеленный на поддержание статус-кво в регионе, а, значит, подрывали баланс сил на Балканах. В этом ключе ряд греческих печатных изданий, особенно прокоммунистическая газета «Эмпрос»³⁷, подвергли резкой критике Салоникское соглашение, заключенное между Балканской Антантой и Болгарией в июле 1938 г.³⁸

Развивая тему стратегической уязвимости Греции, «Эмпрос» — оппозиционное издание, критически настроенное по отношению к режиму И. Метаксаса и, соответственно, осуждавшее его сдержанную реакцию на гарантии, предоставленные Великобританией и Францией, указывало на те риски, с которыми была сопряжена англо-французская помощь греческому государству. Предсказывалась оккупация британскими и французскими войсками греческой территории, дабы «обеспечить себе стратегические пункты на Балканах и Средиземноморье, что будет означать начало расчленения Греции»³⁹. Этот мрачный сценарий во много являлся порождением болезненного опыта Первой мировой войны, когда страна, разделенная по вопросу о вступлении в конфликт, оказалась на грани Гражданской войны, а ряд ее территорий (в Македонии и некоторые острова в Эгейском море) были взяты под контроль Антантой⁴⁰.

В итоге, можно констатировать, что запуску процесса саморазрушения Версальского порядка в Юго-Восточной Европе способствовала неясная и временами противоречивая политика Великобритании. Малые страны региона не ощущали внешнего каркаса, который обеспечивал бы жесткость и сцепленность региональной конструкции. В условиях нарастающего хаоса, отсутствия структурирующего начала со стороны архитекторов послевоенного миропорядка правительства Греции, Румынии,

Югославии всё более склонялось к политике лавирования между «западными демократиями» и германо-итальянской «осью», видя свою задачу в том, чтобы адаптироваться к той международной среде, которую будет формировать наиболее сильная из великих держав. Отчасти расстановка сил, сложившаяся на Балканах к началу Второй мировой войны, являлась проекцией процессов, протекавших на глобальном уровне, — деформации многополярной модели, оформившейся по итогам Первой мировой войны, в результате ослабления международных позиций ключевого центра силы — Великобритании.

Примечания

- ¹ *Einzig P.* La politique anglaise dans l'Europe du Sud-Est // *Affaires danubiennes. Revue de l'Europe Centrale et du Sud-Est.* 1939. № 6 (Decembre). P. 303.
- ² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 11. Д. 253. Л. 16.
- ³ *Агансон О.И.* Комплексы региональной безопасности на Балканах накануне Первой и Второй мировых войн: сравнительный анализ // *Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. Вып. 3 / отв.ред. А.Ю. Павлов, А.В. Бодров, А.А. Малыгина.* СПб., 2015. С. 105–118.
- ⁴ *Kaiser D.E.* Economic Diplomacy and the Origins of the Second World War: Germany, Britain, France, and Eastern Europe. Princeton, NJ, 1980. P. 20.
- ⁵ *Агансон О.И.* Балканский региональный порядок в условиях распада Версальской многополярности // *Новая и новейшая история.* 2018. № 1. С. 14–15.
- ⁶ *Alastos D.* The Balkans and Europe. A Study of Peace and the Forces of War. London, 1937. P. 116.
- ⁷ The Royal Institute of International Affairs. South-Eastern Europe: A Political and Economic Survey. London, 1939. P. 195.
- ⁸ *Ibidem.*
- ⁹ *Ibid.* P. 196–199.
- ¹⁰ The Royal Institute of International Affairs... P. 199.
- ¹¹ Подробнее см.: *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German Thought and Action 1815–1945. Hague, 1955.
- ¹² *Lampe J. R., Jackson M.R.* Balkan Economic History, 1550–1950: From Imperial Borderlands to Developing Nations. Bloomington, IN, 1982. P. 160–174.
- ¹³ *Orlow D.* The Nazis in the Balkans: A Case Study of Totalitarian Politics. Pittsburgh, PA, 1968. P. 26.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 49.
- ¹⁵ The Royal Institute of International Affairs... P. 136.
- ¹⁶ Documents on German Foreign Policy (далее — DGFP). Vol. VI. London, 1956. P. 91–96.
- ¹⁷ The National Archives (далее — TNA), Cabinet papers (далее — CAB), 24/280/123. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs, November 10, 1938.

- 18 TNA, CAB 24/2880/126.
- 19 *Atherton L.* Lord Lloyd at the British Council and the Balkan Front, 1937–1940 // *The International History Review*. 1994. Vol. 16. № 1. P. 32–38.
- 20 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 253. Л. 13–14. Так, в одном из оборзов, подготовленном Б. Стефановым, членом ЦК компартии Румынии, показывалось, как на фоне германской «пропитки» экономики Королевства (закупка 50 германских самолетов, развитие румынского транспорта и коммуникаций немецкими специалистами, переговоры о продаже Германии всего урожая 1939 г.), происходило оживление торговых отношений с Англией, причем с положительным сальдо для Румынии на сумму более 1 млрд лей.
- 21 TNA. FO 1093/203. Sofia: Discussions of Proposals to Influence Bulgarian Government. 21 September –19 October 1939.
- 22 6 января 1929 г. Александр Карагеоргиевич упразднил Видовданскую конституцию и установил режим личной власти в Югославии. 19 мая 1934 г. в Софии участниками военно-политической организации «Звено» и Военной лиги был совершен государственный переворот, в результате которого была отменена конституция, распущен парламент и ликвидированы политические партии, однако уже в январе 1935 г. царь Борис III сумел отстранить от власти «Звено» и сосредоточить бразды правления в своих руках. В 1936 г. в Греции в результате так называемого «переворота 4 августа» институализировалась диктатура И. Метаксаса, теоретическим обоснованием политики которого стала концепция «третьей греческой цивилизации». 10 февраля 1938 г. в Румынии король Кароль II упразднил конституцию 1923 г. и провозгласил установление королевской диктатуры. См. подробнее: Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 265–279; *Bojinov V. Zveno // Токови историје*. 2014. № 3. С. 89–99; *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М., 2010. С. 532–535; *История Румынии: 1918–1970* / Отв. ред. Н.И. Лебедев. М., 1971. С. 231–237.
- 23 В случае Югославии и Румынии, прежде всего, надо отметить неспособность их правящих кругов выстроить оптимальную модель многонационального государства, которая бы выстроила чаяния населявших их народов. Что касается Болгарии, то вопрос о возвращении территорий, потерянных ею после Первой мировой войны, и судьба Македонии (т.е. ревизия Нейиского мирного договора), с одной стороны, определяли внешнеполитическую программу Софии, с другой — являлись доминирующей темой во внутриполитической борьбе Болгарского царства. См. подробнее: *Силкин А.А.* Внутриполитические предпосылки заключения соглашения Цветкович-Мачек и формирование Бановичи Хорватия (1934–1939 гг.) // *Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.): Сб. статей*. СПб., 2009. С. 218–233; *Banac I.* The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. Ithaca, NY, 1994; *Djokić D.* Elusive Compromise. A History of Interwar Yugoslavia. London, 2007; *Pavlowich S.K.* The Improbable Survivor: Yugoslavia and its Problems, 1918–1988. London, 1988; *Bakić J.* Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma 1918–1941. Zrenjanin, 2004; *Livezeanu I.* Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building & Ethnic Struggle, 1918–1930. Ithaca, NY, 1995; *Hitchins K.* Rumania 1866–1947. Oxford, 1994; *Марков Г.* Покушения, насилие и политика в България 1878–1947. София, 2003; *Поппетров Н., Божинов В.* Национално могъща и обединена България. Формациите на радикалната десница и националният въпрос. София, 2014.
- 24 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 226. Л. 2–7; *Поппетров Н., Божинов В.* Указ. соч. С. 11.
- 25 См. подробнее: *Komjathy A., Stockwell R.* German Minorities and the Third Reich: Ethnic Germans of East Central Europe between the Wars. New York, 1980.

- 26 VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). М., 1975. С. 243.
- 27 *Wiskeman E.* Undeclared War. London, 1939. P. 53.
- 28 *Ibid.* P. 132.
- 29 TNA, CAB 23/98/304. Cypher telegram to H. Knatchbull-Hugessen, 12 April 1939.
- 30 *Alexandroff A., Rosecrance R.* Deterrence in 1939 // *World Politics*, 1977. Vol. 29. № 3. P. 404–424; *Conkov S.* The British Policy of Guarantees and Greece (March — April 1939) // Политиката на великите сили на Балканите в навечерието на Втората световна война. София, 1971.
- 31 TNA, CAB 23/98/297.
- 32 TNA, CAB 23/98/93. CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet, 22 March 1939.
- 33 *Lungu D.V.* Romania and the Great Powers, 1933–1940. Durham, 1989. P. 137.
- 34 DGFP. Ser. D. Vol. 6. № 254. P. 341.
- 35 *Поппетров Н., Божинов В.* Указ. соч. С. 40–42; *Божинов В.* Балканский гамбит. Путь Болгарии и Югославии к Тройственному пакту // Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945: материалы международной научной конференции. М., 2015. С. 257–258. Относительно скромные претензии Софии к Белграду обуславливались ее стремлением придерживаться пакта о «Вечной дружбе», заключенного между Болгарией и Югославией в начале 1937 г.
- 36 *Gafencu G.* The Last Days of Europe: A Diplomatic Journey in 1939. London, 1947. P. 152–153.
- 37 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 134. Л. 44–45.
- 38 Салоникское соглашение аннулировало военные статьи Нейиского и Лозаннского мирных договоров и констатировало отказ договаривающихся сторон от применения силы во взаимных отношениях. См. подробнее: *Постников А.С.* Салоникское соглашение 31 июля 1938 г. и позиция Франции // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1981. С. 59–72.
- 39 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 134. Л. 114–115.
- 40 *Петрунина О.Е.* Указ. соч. С. 497–505.